

Г. В. Токарев

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МОЛИТВЫ
В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО**

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия

Поступила в редакцию 16.08.2022 г.

Принята к публикации 02.10.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2022-4-8

76

Для цитирования: Токарев Г. В. Концептуализация молитвы в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2022. №4. С. 76–85. doi: 10.5922/pikbfu-2022-4-8.

Анализ отраженных в дневниках Л. Н. Толстого представлений о молитве осуществлен с использованием методов сплошной выборки дневниковых заметок, посвященных молитве, концептуального анализа, направленного на выделение ее когнитивных признаков, а также частных приемов анализа семантики ключевого слова. В ходе исследования выявлено, что записи о молитве встречаются на протяжении всех лет ведения дневника. Толстой понимает молитву как диалог с Богом, как самопознание. Проанализированы особенности концептуализации молитвы, объективированные сочетаемостью ключевого слова, реконструирован базовый образ «Человек»: фигурально молитве приписываются процессуальные признаки, присущие человеку. Они характеризуются положительной коннотативной оценочностью. Доказано, что категоризация молитвы средствами антропоморфного культурного кода является следствием реализации коммуникативной когнитивной стратегии. Молитва в представлении Толстого помогает достичь гармонии, избежать сложных эмоциональных состояний, делает человека сильным, духовно возвышает, защищает от греха, помогает в самопознании. Важным аспектом концептуализации молитвы для Толстого является определение условий ее совершения. Молитва осмысливается исключительно как интимное, вне церкви обращение к Богу. Писатель считал, что молиться необходимо при полном отвлечении от всего мирского. Он также предостерегает от механической молитвы, полностью отрицает просительную о личном благополучии молитву. Показано, что толстовское понимание молитвы диссонирует с узуальным.

Ключевые слова: религиозный дискурс, молитва, концептуализация, картина мира, Лев Толстой, ценность, норма

Жанр молитвы является одним из наиболее интересных для современной лингвистики. И. В. Бугаева отмечает, что «молитва... изучалась только в аспекте ритмико-просодической организации текста» [3, с. 157]. С данным утверждением сложно согласиться. В лингвистике последних

десятилетия появились исследования прагматического аспекта этого религиозного жанра [9; 13; 14; 17; 20–22]. Так, Т. В. Ицкович определяет разновидности молитвы в зависимости от цели обращения – «просьба (с покаянием), благодарность, хвала» [11, с. 89]. Этой же классификации придерживается В. А. Мишланов [18, с. 295–296]. И. В. Бугаева расширяет жанровый состав молитв до пяти: хвалебные, просительные, покаянные, благодарственные, ходатайственные [3, с. 159]. Аналогичную классификацию можно встретить в трудах В. И. Карасика [12, с. 225]. Мы находим продуктивными мысли Т. В. Ицкович о возможном синкретизме интенций в текстах молитв и выделении на этом основании моно-, би- и полиинтенциональных молитв [10, с. 206]. Большой интерес представляет концептуальный аспект молитвы, поскольку он позволяет выстроить иерархию ценностей, норм, правил и запретов, свойственных как конфессиональной общности в целом, так и отдельному человеку. Данный аспект получил освещение в трудах Л. В. Балашовой [1]. Существенны также наблюдения А. С. Князевой о гендерной детерминированности молитвы, проявляющейся в ее «большей степени феминной маркированности» [15, с. 95].

Таким образом, молитва изучается в формальном, концептуальном и прагматическом аспектах.

Духовная деятельность Л. Н. Толстого позволяет рассмотреть преломление молитвы в его индивидуальной практике. Кажущиеся противоречия в религиозном мировоззрении писателя нередко иллюстрируют тем, что он мог следовать церковным канонам и в то же время демонстративно отказываться от них. Толстой был религиозным, но не воцерковленным человеком. Уже с молодых лет Лев Николаевич по-своему понимал Бога. Смысл жизни писатель видел в поисках Бога, но в то же время отвергал церковную интерпретацию учения Христа, боролся против формальных ритуалов церкви, выступал критиком ее позиции по отношению к государству, войнам, неправославным. Вопросам веры Толстой посвятил десятки философских, публицистических, художественных произведений. Не раз эта тема затрагивается и в дневниках.

Одним из значимых формальных маркеров религиозности выступает молитва. Толстой неоднозначно относился к ней как к церковному ритуалу. Н. А. Захаркин утверждает: «Л. Н. Толстой не примет официального учения Православной Церкви о таинствах веры, а молитва превратится у него в так называемое прелестное молитвословие, творящееся одними чувствами без участия ума и сердца, где эстетика слова подавляет духовное начало» [6, с. 133]. Такая оценка толстовской молитвы является слишком прямолинейной и предвзятой. Одиннадцатого марта 1889 г. Толстой записал в дневнике: «...я отрицал молитву, а теперь признаю» [23, т. 50, с. 50]. Полагаем, что молитва Толстого представляет собой более сложный феномен, нежели «прелестное» творение «без ума и сердца». Сегодня толстовская молитва освещена в науке фрагментарно (см.: [20]), что обуславливает актуальность нашего исследования. Цель статьи состоит в изучении особенностей концептуализации молитвы в личном дискурсе Л. Н. Толстого на материале дневниковых записей. В ходе исследования используются методы сплошной выборки дневниковых заметок, посвященных молитве, концептуального анализа, направлен-

ного на выделение ее когнитивных признаков, а также частные приемы анализа семантики ключевого слова — компонентный, парадигматический и синтагматический, позволяющие изучить системные связи слова и объективировать особенности концептуализации.

Мы будем придерживаться дефиниции О. А. Перваловой, понимающей молитву как «своеобразный “сборник” идеологических и нравственных норм, определяющих духовное и земное бытие человека» [19, с. 301].

Проведем анализ концепта «молитва» в общенародном языке синхронного Толстому исторического периода — по словарю В. И. Даля [5]. Семантизация молитвы включает два актанта — ‘кому’ и ‘о чем’: ‘кого о чем; просить смиренно, покорно и усердно’. Данная дефиниция толкует молитву как процесс с опорой на синоним *просить*, что предполагает неравноправность позиций участников коммуникации: *Молиться Богу, сознавая ничтожество свое перед Творцом*. Эту особенность подчеркивают характеристики: *смиренно, покорно, усердно*. Молитва связана прежде всего с бедственным положением, в котором может оказаться человек: *кто в беде бога не маливал? Молитва понимается и как благодарность, покаяние*. В то же время паремический фонд подчеркивает бесполезность молитвы, необходимость надеяться на себя: *Богу молись, а сам не плошись. Богу молись, а к берегу гребись. Без толку молимся, без меры согрешаем. Что тому богу (святому) молиться, который не милует!*

Авторы «Словаря русской ментальности», в котором дано наивное толкование ключевых понятий русской лингвокультуры, выделяют такие признаки молитвы, как диалогичность, вербальность, «выражение покаяния, любви, просьбы и благодарности», каноничность, смирение и покорность. По утверждению авторов, «молитва является неотъемлемой частью человеческой жизни...» [16, с. 452–453].

Записи Толстого о молитве встречаются на протяжении всех лет ведения им дневника, что подтверждает важность этого явления для писателя. Нередки заметки, в которых Толстой дает прямую дефиницию молитве. Рассмотрим эти высказывания, отражающие направления концептуализации данного феномена.

• Молитва — это диалог с Богом: *Молитва... это таинство общения с Богом... причащение (10–11 мая 1909)* [23, т. 57, с. 62]. Такая интерпретация молитвы допускает варьирование ее формы, отклонение от идиоматичности и ритуальности, непосредственность обращения. Т. В. Ицкович отмечает: «Молитвы личные... зачастую имеют свободную форму, не закрепленную канонически» [11, с. 89]. Толстой характеризует молитву как начало диалога: *Молиться же есть прелюдия к общению с Богом (13 июля 1894)* [23, т. 52, с. 129], этот диалог может иметь не только словесную, но и акциональную форму: *Общение в этом мире возможно только делами (в числе дел могут быть и слова). <...> Немножко несправедливо то, что нельзя молиться словами. Надо сказать: нельзя общаться с Богом словами (13 июля 1894)* [23, т. 52, с. 129]. Коммуникативная сущность молитвы подчеркивается Б. И. Иванюком: молитва — «диалогический по своей установке жанр» [8, с. 27]. Е. В. Бобырева отмечает, что «конечной целью каждого из них является установление контакта человека с Богом для последующего сообщения и воздействия на адресата» [2, с. 100]. По Тол-

стому, молитва как доказательство веры в Бога должна подкрепляться делами. Это объективация намерения посвятить свою жизнь Богу: *Молитва это значит только то, что я хочу жить Им* (4 сентября 1909) [23, т. 57, с. 132].

- Молитва — это самопознание. В определениях этой концептуальной группы Толстой подчеркивает интроспективные черты молитвы: *Молитва, т. е. живое представление своего положения...* (11 марта 1906) [23, т. 55, с. 207]; *Молитва — это... вызывание в себе высшего духовного состояния, памятование о своей духовности* (11 мая 1909) [23, т. 57, с. 62]; *Молитва есть чтение верительной грамоты, освежение в своей памяти своего назначения, своего посланничества* (8 октября 1894) [23, т. 52, с. 146]. Данными высказываниями Толстой подчеркивает, что молитва не должна иметь просительный характер. Молитвой человек подтверждает свою готовность исполнить все то, что будет угодно Богу. Молясь, человек должен осознать себя частью Бога: *Молитва есть сознание (как бы оно ни проявлялось) своей божественности. Молящийся молится себе, собою, сознаёт себя частью Бога* (11 октября 1906) [23, т. 55, с. 259]. Молитва понимается и как самовнушение: *Молитва есть самовнушение. Стараюсь этим способом внушить себе, что жизнь моя только, только, только служение* (13 марта 1900) [23, т. 54, с. 15].

- Толстой понимал искаженную сущность молитвы и не отрицал, что такая интерпретация порой была значимой и для него. Называл ее «всемирным, всем известным и до неузнаваемости изуродованным средством» (10 марта 1889) [23, т. 50, с. 48–49] и потому давал молитве и негативные определения: *Молитва — проявление слабости; 12/24 июля. Молился вчера, значит, слаб* (12 июля 1884) [23, т. 49, с. 112]. В подобных дефинициях Толстой подчеркивал, что люди, и он в том числе, обращаются к Богу тогда, когда им тяжело, когда им нужна помощь.

Особенности концептуализации молитвы отражает сочетаемость ключевого слова, репрезентирующего это понятие. Приведем примеры синтагм с данной лексемой: *Молитва так же радостна...* (18 ноября 1890) [23, т. 51, с. 106]; *Молитва... всё живая* (6 ноября 1890) [23, т. 51, с. 101]; *Молитва утешает* (22 августа 1890) [23, т. 51, с. 80]; *Молитва помогает* (24 августа 1890) [23, т. 51, с. 82]; *Молитва продолжает укреплять и двигать меня* (31 октября 1890) [23, т. 51, с. 98]; *Молитва становится чем-то механическим...* (16 декабря 1890) [23, т. 51, с. 113]. Из приведенных типичных сочетаний ключевого слова следует, что в результате их буквального прочтения возможно реконструировать базовый образ «Человек»: фигурально молитве приписываются процессуальные признаки, присущие человеку. Они характеризуются положительной коннотативной оценочностью. Категоризация молитвы средствами антропоморфного культурного кода является следствием реализации коммуникативной когнитивной стратегии. Буквально молитва — это человек, который дарит радость, утешает, помогает, укрепляет, ведет вперед, то есть успокаивает.

Толстой большое внимание уделяет значению молитвы. Перечислим ее функции:

- 1) помогает достичь гармонии, избежать сложных эмоциональных состояний: *молиться всегда, «чтобы не впасть в напасть»* (18 ноября 1890) [23, т. 51, с. 106];

2) делает человека сильным: *Дорогой молился и отчасти смирился. Молитва укрепляет...* (28 августа 1890) [23, т. 51, с. 83];

3) духовно возвышает человека: *Молитва тем особенно хороша, нужна, — но настоящая молитва, — что она поднимает человека на ту высшую духовную точку, на которую он способен подняться, — даёт силу борьбы с плотью* (23 июля 1909) [23, т. 57, с. 99—100]; *Молитва — это... вызывание в себе высшего духовного состояния, памятование о своей духовности* (10—11 мая 1909) [23, т. 57, с. 62]; *Да, молитва сильнейшее средство и единственное, молитва, как вызывание в себе лучшего, что есть, и приучение себя жить им* (10 марта 1889) [23, т. 50, с. 48—49]; *Я знаю, что я молитвой выражал только подъем свой* (30 марта 1883) [23, т. 49, с. 75];

4) защищает от соблазна совершить грех: *Молитесь всегда, чтобы не впасть в искушение* (28 ноября 1890) [23, т. 51, с. 110];

5) помогает в самопознании: *В молитве уяснилось то...* (18 ноября 1890) [23, т. 51, с. 106].

Эта сторона концептуализации молитвы освещает такую ее черту, как персуазивность, свойственную в целом религиозному дискурсу [4, с. 66].

Выделенные функции подчеркивают необходимость молитвы для человека.

Важным аспектом концептуализации молитвы для Толстого является определение условий ее совершения. Т. В. Ицкович отмечает: «Жанры, входящие в подсистему протожанра молитвы, реализуются как в пространстве церкви во время Богослужения, так и вне церкви в личном обращении. Соответственно, оказываются задействованы категории места (церковь / не церковь), времени (Богослужение / не Богослужение) и количества молящихся (коллективная / личная молитва)» [11, с. 89]. Толстой осмысляет молитву исключительно как интимное, вне церкви обращение к Богу. Писатель считал, что молитва должна осуществляться при полном абстрагировании от всего мирского: *...Молитесь Богу, т. е. найдите ту точку, в которую смотреть помимо людей...* (30 декабря 1888) [23, т. 50, с. 18]. По Толстому, обращение к Богу есть обращение в безличную пустоту: *Люблю обращаться к Богу. Если бы не было Бога, то хорошо уже это обращение и в безличную пустоту. В таком обращении нет всех тех слабостей тщеславия, человекоугодничества: расчетов, от которых почти невозможно отделаться, обращаясь к людям* (25 ноября 1888) [23, т. 50, с. 5]. Очевидно, что это состояние предполагает уединение: *Молитва значит стать в исключительное отношение к одному Богу. И потому молитва возможна только тогда, когда ты прервал всякие отношения к людям. Это может быть и среди людей, когда забыл про них; но естественнее всего, когда ушел в клеть, т. е. в уединение* (24 сентября 1906) [23, т. 55, с. 245]. Толстой считает, что молитва не должна быть публичной: *Молитва есть единственное положение, в котором человек, становясь лицом с лицом к Богу, должен быть честен сам с собою. А люди устроили такую молитву (все публичные богослужения), в которой люди могут быть и бывают особенно бесчестны* (12 июля 1900) [23, т. 54, с. 30].

Молитва в представлении Толстого должна быть постоянной. Периодическая молитва предостерегает человека от неправильного пути: *Молился и еще буду молиться и молюсь, чтобы Бог помог мне не нарушить любви*

(15 декабря 1890) [23, т. 51, с. 111]; *Молитва не может быть одна и та же на все дни, на все часы. ...Иногда нужно только созерцание, и иногда память о Нем и о Себе* (14 февраля 1909) [23, т. 57, с. 28].

Особенно важна молитва в трудные минуты жизни: *Надо молиться всегда. Надо, главное, помнить, что в те минуты, когда неприятно, надо молиться и делать усилие не соблазняться и поступать по-божьи* (17 августа 1890) [23, т. 51, с. 77]; *Завтра 17 августа 1893. <...> Надо больше молиться. Если будет трудно, то чем же поддержать себя, как не этим* [23, т. 52 с. 98].

Молитва должна сопровождать все деяния: *Да, всё, всё надо делать с молитвой. Как и говорили старцы, только не с словесной молитвой, а с мыслью о Боге и его воле* (6 мая 1889) [23, т. 50, с. 79]. Молитва должна быть обращена и к будущему, и к прошлому. Из этой интенции Толстого следует, что в молитве нужно просить как прощения у Бога за совершенные ошибки, так и недопущения их в будущем. Важный аспект молитвы — прощение: *Молитва только тогда молитва, когда все слова ее прикладываются к прошедшей и предстоящей жизни — долги свои вспоминаешь и чужие, прощая их, и т.п.* (31 июля 1890) [23, т. 51, с. 70].

Толстой подчеркивает, что нужно верить в молитву, и предлагает оригинальный способ проверки этого чувства: *Чтобы узнать, веришь ли в молитву, попробуй молиться о том, чего не желаешь или боишься* (5 октября 1893) [23, т. 52, с. 101].

Молитва предполагает честность и искренность: *Молитва есть единственное положение, в котором человек, становясь лицом с лицом к Богу, должен быть честен сам* (12 июля 1900) [23, т. 54, с. 30].

Молитва должна быть выражением чувства любви: *Хочется помощи Бога. Понимать же Бога могу только любовью. Если люблю, то Он во мне и я в Нем. И потому буду любить всех, всегда, в мыслях, и в словах, и в поступках. Только в такой любви найду помощь от Бога* (6 февраля 1909) [23, т. 57, с. 24]. Толстой очень четко объясняет, как должно проявляться чувство любви по отношению к Богу, к себе и к ближнему: *Мы познаем Бога в трех видах: а) в Нем самом, б) в самих себе и в ближних. Познавать Его в Нем самом значит познавать Его волю, чтобы исполнять ее. Познавать Его в самих себе значит познавать эту волю в любви. Познавать Его в ближнем значит любить ближнего, как самого себя* (14 июля 1909) [23, т. 57, с. 96].

Толстой предостерегает от механической, заученной молитвы, поскольку она теряет смысл, диалогическую основу контакта с Богом. ... *Нужно не давать молитве делаться механической и для того надо составить ряд молитв, которые читать по очереди, хоть на 12 дней. Молитву же большую надо составлять из всего, что читаешь, думаешь и знаешь. ...Молитвы должны быть сообразны положениям — встречаем* (19 марта 1900) [23, т. 54, с. 17–18].

Толстой подчеркивает абсурдность молитвы, содержащей просьбу о чем-либо. Такая молитва содержит непонимание смысла устройства мира, роли Бога в нем и демонстрирует протест против его воли. Все, что есть в жизни человека, от Бога. Человек должен быть безропотным исполнителем воли Бога, слугой своего хозяина: *Думал о молитве — просительной. Можно ли просить Бога? Нельзя, главное, потому, что всё, о чем мы только можем вздумать просить для нашего истинного блага — всё дано нам в изобилии. Просить Бога о благах — всё рано, что просить пить, стоя*

у ключа (22 сентября 1900) [23, т. 54, с. 44]; *Каково бы было положение тела, если бы каждая клеточка могла просить — и с успехом — Бога о том, чтобы для нея были по ея желанию размещены клеточки или чтобы не умирала она сама и те клеточки, которые ей приятны* (19 ноября 1900) [23, т. 54, с. 63].

Очевидно, что адресатом молитвы выступает Бог. В молитве Толстой растворяется в Боге: *...Молитва это значит только то, что я хочу жить Им...* (4 сентября 1909) [23, т. 57, с. 132]. В молитве Толстой видит общение с богом на равных, как с личностью: *Для того же, чтобы жить перед Богом, нужно... обращение к Нему, общение с Ним как с личностью, хотя знаешь, что Он не личность* (3 января 1909) [23, т. 57, с. 4]. При этом он осознает, что Бог — нечто непостижимое: *Как только стану рассуждать: кому молюсь? Чего прошу? Как он исполнит мою молитву? Ничего не знаю* (27 апреля 1895) [23, т. 53, с. 26]; *1 февраля 1860. Ясная Поляна. ...Молиться кому? Что такое Бог, представляемый себе так ясно, что можно просить Его, общаться с Ним? Ежели я и представляю себе такого, то Он теряет для меня всякое величие. <...> Тем-то Он Бог, что все Его существо я не могу представить себе. Да. Он и не существо, Он закон и сила* [23, т. 48, с. 23]; *Молитва? Кому я говорю: помоги мне. Я знаю, что нет такого лица, к которому можно бы так обращаться; но я делаю, как будто есть такое лицо, для того, чтобы я мог ясно выразить то, что мне нужно* (3 апреля 1892) [23, т. 52, с. 65]; *...Бога никто же нигде же не видел, т. е. Бога мы не можем понять* (6 февраля 1909). [23, т. 57, с. 23].

Итак, на протяжении всей жизни молитва для Толстого имела большое значение. Уже перед своей смертью он писал: *На душе очень хорошо. И всё от того, что не переставая молюсь новой молитвой и живу ею. Помогите мне быть только Твоим работником. Знаю, что он так же может помочь мне, как я могу помочь частицам моего тела служить всему, но молитвой выражаю только то, что сознаю всей душой. И удивительное дело, в 81 год только начинаю понимать жизнь и жить* (10 декабря 1909) [23, т. 57, с. 185]. Из процитированного отрывка очевидно, что молитва была для Толстого средством обретения смысла жизни, самосовершенствования и самовоспитания. В этом аспекте кажется неоднозначной точка зрения Иеродиакона Владимира, утверждавшего: «*Вся трагедия религиозного мировоззрения Л. Н. Толстого в том, что у него социальная вера взяла верх над религиозной верой; что ответ на свой главный вопрос: что делать? — он искал не в молитве, а в законнически-моралистическом понимании Евангелия*» [7, с. 201]. Нет сомнения, что Толстой ушел от канонического понимания Бога и диалога с ним, но в своем внутреннем мире он создал свою веру, своего Бога, ориентированных на учение Христа. Все это нашло свое воплощение и в молитве.

Толстовское понимание молитвы диссонирует с узуальным: он пытается разговаривать с Богом на равных, при этом не забывая о своей роли слуги, отказывается понимать молитву как средство выпрашивания для себя каких-либо благ. Толстой осознает необходимость молитвы, ее систематичность. Молитва для Толстого стала перечнем жизненных правил, норм и запретов. Категоризация представлений о молитве осуществляется средствами антропоморфного кода культуры, что выражается в магистральной стратегии концептуализации молитвы как диалога с Богом. Обращение к Богу Толстой допускает не только вербальным,

но и акциональным (делами) способом. Молитва необходима Толстому как способ самопознания, как средство достижения гармонии, обретения духовной силы, защиты от соблазна совершить грех. Для Толстого важны условия осуществления молитвы: честность, искренность, выражение любви.

Список литературы

1. Балашова Л. В. Отец или владыка, чадо или раб? (концепты адресата и автора в жанре утренней и вечерней молитвы) // Жанры речи. 2002. №3. С. 186–200.
2. Бобырева Е. В. Коммуникативный компонент жанров молитвы и исповеди в пространстве религиозного дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2013. С. 100–106.
3. Бугаева И. В. Молитва как особый жанр современной православной публицистики // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. Орел, 2006. С. 157–164.
4. Войтак М. О жанрах религиозного стиля // Филология в XXI веке. 2019. №51. С. 63–68.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1995.
6. Захаркин Н. А. Безблагодатная молитва в творчестве Л. Н. Толстого (на примере рассказа «Отец Сергей») // Вестник Брянского государственного университета. 2012. №2-2. С. 132–135.
7. Иеродиакон Владимир (Палибрк). Христос в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого // Христианское чтение. 2015. №4. С. 201–216.
8. Иванюк Б. П. Жанры литургической поэзии: акафист, антифон, канон, кондак, литания, молитва // Филологос. 2012. №15 (4). С. 23–28.
9. Ицкович Т. В. Речевой жанр обращения в православной молитве // Речевые жанры современного общения. Одиннадцатые Шмелевские чтения (Москва, 23–25 февраля 2015) : тез. докл. М., 2015. С. 71–75.
10. Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы // Жанры речи. 2016. №1 (13). С. 87–93.
11. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля. М., 2021.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
13. Келер А. И. Жанр молитвы: критерии классификации // Филология: научные исследования. 2021. №7. С. 29–38.
14. Келер А. И. Категория композиции в молитвенном тексте // Litera. 2021. №7. С. 37–46.
15. Князева А. С. К вопросу о гендерной дифференциации православных молитвенных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №3-1 (69). С. 93–95.
16. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. Т. 1. СПб., 2014.
17. Костенич В. А. Молитва как жанр (религиозного) философствования // Религия и общество – 4 : сб. науч. тр. Могилев, 2009. С. 149–150.
18. Мишланов В. А. Молитва как речевой жанр // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. С. 290–302.
19. Перевалова О. А. Теория жанра молитвы в современном литературоведении // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по матер. III Всерос. науч. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2013. С. 300–308.

20. Петровская Е. В. Мечта и молитва в поэтическом мире Л. Толстого (1850–1860 гг.) // Русская классика: между архаикой и модерном : сб. науч. ст. СПб., 2002. С. 76–87.

21. Полосина А. Н. Образ ангела в восприятии Л. Н. Толстого и Вольтера // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 27–30.

22. Попова А. И. Личная молитва: особенности композиционной структуры // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика: направления и тенденции современных исследований : матер. II Всерос. заоч. науч. конф. Екатеринбург, 2018. С. 155–156.

23. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 2006.

Об авторе

Григорий Валериевич Токарев – д-р филол. наук, проф., Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия.

E-mail: grig72@mail.ru

G. V. Tokarev

CONCEPTUALIZATION OF PRAYER IN THE DIARY DISCOURSE OF L. N. TOLSTOY

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Received 16 August 2022

Accepted 02 October 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2022-4-8

To cite this article: Tokarev G. V. 2022, Conceptualization of prayer in the diary discourse of L. N. Tolstoy, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 76–85. doi: 10.5922/pikbfu-2022-4-8.

The article is devoted to analyzing ideas about prayer reflected in Leo Tolstoy's diaries. The research has been carried out using methods of continuous sampling of diary notes dedicated to prayer, conceptual analysis aimed at highlighting its cognitive features, as well as private techniques for analyzing the semantics of a keyword. The study has revealed that records of prayer are found throughout the years of keeping a diary. Tolstoy understands prayer as a dialogue with God, as self-understanding. The article analyzes the features of the conceptualization of prayer, objectified by the compatibility of the keyword, and reconstructs the primary image of "Person": figuratively, prayer is attributed to procedural features inherent in a person. They are characterized by positive connotative evaluation. It is proved that the categorization of prayer using an anthropomorphic cultural code is a consequence of implementing a communicative cognitive strategy. Tolstoy names the following functions of prayer: it helps to achieve harmony, avoid complex emotional states, makes a person strong, spiritually elevates them, protects them from the temptation to sin, helps in self-understanding. An essential aspect of the conceptualization of prayer for Tolstoy is the definition of the conditions for its performance. Tolstoy understands prayer exclusively as an intimate, non-church appeal to God. Tolstoy believes that prayer should be carried out with complete

abstraction from everything mundane. Tolstoy warns against mechanical prayer. He completely denies the prayer asking for personal well-being. Tolstoy's understanding of prayer is dissonant with the conventional one.

Keywords: religious discourse, prayer, conceptualization, worldview, Leo Tolstoy, value, norm

The author

Prof. Grigoriy V. Tokarev, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia.

E-mail: grig72@mail.ru